

А. П. Кочеваткина, Категория одушевленности-неодушевленности в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1991.

27 декабря 1991 г. в Марийском государственном университете на заседании Специализированного совета К 064.44.01 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук состоялась защита кандидатской диссертации научным сотрудником Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики А. П. Кочеваткиной на тему «Категория одушевленности-неодушевленности в мордовских языках». Работа выполнена под научным руководством доктора филологических наук профессора Д. Т. Надькина. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор И. Г. Иванов (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук доцент Т. М. Тихонова (Саранск).

Это была первая защита по финно-угорским и самодийским языкам во вновь созданном специализированном совете при Марийском университете, поэтому она вызвала большой интерес не только специалистов-языковедов, но и широкого круга финно-угорской общественности.

Интересна и сама тема работы — категория одушевленности-неодушевленности, проблема, которая в финно-угорском языкознании менее других удостоена внимания исследователей. По этой проблеме в финно-угроведении, по крайней мере в отечественном, специальных трудов нет, имеются лишь отдельные замечания общего характера в грамматиках разных финно-угорских языков. Не приведено ни одного названия по данной теме и в списке использованной автором литературы. Между тем проблема одушевленности-неодушевленности в финно-угорских языках представляет собой весьма своеобразное явление, во многом отличающееся от аналогичного явления, например, в индоевропейских языках. Поэтому выбор темы следует приветствовать — она актуальна и необходимость ее изучения не вызывает сомнения.

Одушевленность-неодушевленность, как известно, — это категория понятийная, которая отображает в языке разде-

ление окружающего мира на живое и неживое. Степень ее выраженности по языкам различна. В финно-угорских языках, в том числе и в мордовских, одушевленность-неодушевленность имеет только косвенное и нерегулярное выражение, проявляется она в вопросительных местоимениях, формальное выражение ее в существительных отсутствует.

Одушевленность-неодушевленность как языковая категория в финно-угорских языках не совпадает с понятием живой-неживой, как, например, в славянских языках, что опять-таки вносит своеобразие в проявление ее как категории. Такую характеристику, наверное, можно дать категории одушевленности-неодушевленности в финно-угорских языках в общих чертах. Науке она известна. Однако в конкретных особенностях языкового выражения этой категории далеко не все ясно. При некой общей схеме проявления во всех финно-угорских языках в конкретном выражении данной категории разные языки ведут себя достаточно своеобразно, что мало изучено или вообще не выявлено. Это относится и к мордовским языкам. Поэтому надо отдать должное автору: она не побоялась взяться за решение весьма сложной проблемы. Первое, что необходимо отметить, рецензируя работу, — это то, что она — новое слово в финно-угроведении, первое исследование подобного рода.

Второе. Несмотря на малоизученность проблемы, отсутствие исследований, на которые можно было бы опереться, неразработанность методики исследования, автор представила интересный труд, в котором проблема категории одушевленности-неодушевленности в мордовских языках нашла довольно оригинальное решение. Следы «скрытого» выражения категории исследователь находит не только в самих существительных — в части речи, категорией которой является. Ее косвенные выразители она обнаруживает и в таких «посторонних» частях речи, как прилагательное, числительное и глагол. Автор нащупывает интересные свя-

зи их с категорией одушевленности-неодушевленности, выявляет дополнительные подтверждения, помогающие четче очертить рамки последней как грамматической категории. Иными словами, проявление рассматриваемой категории исследуется в тесной связи со средствами выражений других грамматических категорий или даже непосредственно ими самими. Это довольно интересно, поскольку у этой категории своих особых формальных выражений не имеется. Она, как установила автор, в мордовских языках (и не только в них) выражается через посредство других категорий.

Вообще говоря, вопрос выделения грамматических категорий в том или ином языке сложен. В данном случае он осложняется и по вышеназванной причине. Доказывать присутствие категории приходится путем привлечения других средств морфологии, синтаксиса, лексики и даже контекста, что и делает автор. Исходя из такого понимания грамматической категории как совокупности однородных языковых единиц, А. П. Кочеваткина приходит к выводу, что в мордовских языках одушевленность-неодушевленность является категорией лексико-грамматической.

Третье. Автор достаточно хорошо знакома с общей теорией категории одушевленности-неодушевленности, изучила и творчески использовала соответствующую литературу, создала свою теорию одушевленности-неодушевленности для мордовских языков. Свое понимание сути категории она изложила во вводной части работы. Здесь же представлен беглый обзор выражения рассматриваемой категории в восточных финно-угорских языках (марийском, удмуртском, коми).

Четвертое. Необходимо обратить внимание на методику исследования. В основу ее положено понятие «поле» и потому вводится ряд дополнительных понятий, таких как координаты (семантическая и формальная), центр (ядро) и периферия. Проявление семантико-синтаксического поля одушевленности-неодушевленности наглядно показано на одной схеме, содержание его — на другой. Попутно следует отметить, что в работе использовано немало таблиц, схем, что дает возможность получить бо-

лее конкретное представление об анализируемом явлении.

В работе дан подробный анализ т. н. скрытых (или косвенных) признаков категории одушевленности-неодушевленности, помещенных в различных частях речи. Приведены убедительные примеры своеобразного проявления и функционирования данной категории в мордовских языках. Автор обнаружила при этом много интересных явлений. Они могут иметь место и в других финно-угорских языках, в частности, в самом близком к мордовским — марийском языке. К сожалению, не сделана хотя бы попытка сопоставления.

Реальное проявление категории одушевленности-неодушевленности в работе рассматривается на разных уровнях — лексическом, морфологическом и синтаксическом. На уровне лексико-семантическом анализируются четыре лексико-семантических класса. В целом, надо полагать, направление верно — они помогут выявить особенности выражения категории, но в работе эти категории представлены нечетко, что затрудняет восприятие. В какой-то мере нечеткость компенсируется приводимой таблицей, но и в ней допущен ряд технических погрешностей. Таким образом анализируются прямые выразители одушевленности-неодушевленности.

Косвенные выразители рассматриваются на уровне морфологии — через отдельные свойства прилагательных, числительных, местоимений, глаголов и их форм, имеющих отношение к одушевленности-неодушевленности, а также на уровне синтаксическом, чему целиком посвящена вторая глава. Автор провела большую работу и пришла к выводам, заслуживающим внимания финно-угроведов. Приведем для примера некоторые из них. Вот один: «В понятие «одушевленный предмет» в мордовских языках вкладывается мысль о живом существе, не о всяком, а лишь человеке и частично животных, если эти слова являются активным субъектом, т. е. они, если можно так сказать, составляют переходную группу в системе одушевленности, т. к. в мордовских языках развитие этой категории еще не получило своего завершения, еще окончательно не сформировалось. Название животных — пе-

реходная от категории лица и категории одушевленности группа» (с. 71). Думается, вывод правилен. Действительно, в мордовских языках, как показано в работе, животные в некоторых случаях имеют признаки одушевленных существительных. Или такой вывод: «Расширение сферы употребления феномена ... личность зарождает сферу одушевленности. Эта активность субъекта связана с залогом, действительным и в какой-то мере страдательным, тем более понудительным. А это уже грамматический уровень, т. к. залоговые формы в известном смысле являются выражением категории одушевленности, во всяком случае связаны с семантикой одушевленности» (с. 139). Очевидно, и в данном случае автор права. И наконец, нельзя не согласиться с общим выводом работы о том, что категория одушевленности-неодушевленности релевантна для лексико-грамматической системы мордовских языков, что она не соответствует понятию живой-неживой, для поля одушевленности-неодушевленности характерна специфическая структура: в нем выделены два противоположных центра и две периферийные зоны.

Словом, в работе сделана попытка выяснения сути категории одушевленности-неодушевленности через установление ее отношений к другим грамматическим категориям. Нам кажется, попытка удалась — создана стройная теория этой категории для мордовских языков. Здесь, возможно, следовало подумать относительно названия явления, так как одушевленность-неодушевленность в том виде, как она понимается в индоевропеистике, не совсем подходит для финно-угорских языков; хотя какая-то попытка в этом плане и была, наверно, предпринята, когда автор говорит о необходимости различения в мордовских языках категории личность-неличность и одушевленность-неоду-

шевленность. Поэтому основная задача автора — дать характеристику современного состояния категории одушевленности-неодушевленности в мордовских языках, думается, выполнена: создана более или менее стройная теория этой категории для мордовских языков, разработаны понятийно-терминологический аппарат и схема поля одушевленности-неодушевленность, показаны морфологические, синтаксические средства выражения категории.

Композиционно исследование построено грамотно. Структура и объем соответствуют поставленным задачам. Работа состоит из введения, двух глав — «Семантическая и морфологическая характеристика одушевленности-неодушевленности (статическое поле одушевленности-неодушевленности)» и «Семантическая и синтаксическая характеристика поля одушевленности-неодушевленности» — и заключения. Использованы различные схемы, таблицы. Список использованной литературы включает 40 названий. Однако, думается, он не полный. Как уже говорилось, проблема хотя и малоисследована, работы общетеоретического характера имеются, следовало бы использовать их полнее. Почти не привлечена литература на иностранных языках, что, безусловно не могло не отразиться на глубине исследования проблемы.

Основным же упущением в работе является, надо полагать, полное отсутствие сравнительного анализа. Нет даже попыток найти хотя бы какие-то параллели рассматриваемой категории в других финно-угорских языках, кроме небольшого экскурса во введении.

В целом работа представляет собой законченное исследование, выполненное на достаточно высоком научном уровне. Она, безусловно, является весомым вкладом в финно-угорское языкознание.

И. Г. ИВАНОВ (Йошкар-Ола)